

культура

Недавно коллеги, представители общественной организации области, читали и перерабатывали в свободной форме кузбасскую писательницу Зинаиду Александровну Чигареву. Даже с двумя кузбасскими дамами Юбилейный день жизни почти совпал с тридцатилетием со дня рождения... первой писательницы. Публицистическую драму «Шатлерова поэма» в те годы показала премьера Пролетарского драматического театра им. Ленинского комсомола.

«Счастливо и одновременно неудачно сложилась творчес-

из будущей книги

кая судьба Чигаревой-драматурга. Увы, но на профессиональных сценах Кузбасса с той порой ее произведения больше не появлялись. Хотя именно как драматург Зинаида Чигарева была признана в Союз писателей СССР, герон ее пьес оживали на экране в постановках Центрального и Кемеровского театров. А наши театры, предпочитая иметь дело с «агентами», в конце концов буквально выгнали писательницу из своей творческой привазаности.

И вот одна из другой выходов в Кемеровском издательстве книги Зинаиды Чигаревой. Рассказы, повести, современные сказки, адресованные повзрослевшему поколению. Публицистическая заостренность, точные увлекательные характеры, драматургическая завершенность сюжета привлекают читателей и произведений Чигаревой на протяжении двух последних десятилетий.

Накваше своего успеха Зинаида Александровна завершила работу над антологией «Горный привал осени», рассказов из которой мы предлагаем сегодня вниманию читателей.

Зинаида Чигарева

Играем в Юлию Павловну

Очаровательны наши дети. Идешь мимо и как бы ни спеши, пусть даже в булочную, которая заперта за тебя пять минут, а несколько остановившись, заблудился...

Гармашки ведь местечко — среди новых высотных домов, гаражей, гаражей в непроходимых глинах, маленький островок зелени с арко-зелеными, как солнечные зайчики, одуванчиками. Гаселинги створчатые одуванки на кирпичных постройках дощечку, накрыли цветным досчатком. Чем не традиционный стол? Одна из девочек — их тут трое — соседоточено хлопочит над салатом из одуванчиков. Две другие, наизусть «На недельку до второго и уеду в Комарово.», прищипывают тут же.

Как они, однако, милды, эти воструши! Милды всегда, если даже лично всегда не задумало. Но одуванки из них само совершенство. И облачено оно к тому же в очаровательный, легкая, как весеннее облачко, розовый свитерок (где только такие продаются?) и новенькие с изюминкой джинсики со всякими наделками и заплатами. Ее подружка — чепуховатая, чингачинная, поспешит в магазинчику, глядя на высокие, сбивающиеся каблуках, «Хозяйственники» занимается не менее приятная, хотя и не столь привлекательная особа.

А вот на мальчонку сразу и не обратишь внимания. Торчит скромненький, в стороне, не насмелился примкнуть к обществу. Дробненький, худосочный, возможно, и ровесник подружкам, да досточком не вылезает будущий мужчина. Поманили столь живыми на и праздничная на молодой ивонской травке, что напоминает в первозодную картинку, с которой только что смыли серый бумажный слой, и она засверкала всем радужными красками. Правда, сверканье это недовольство — подожмет картинка и потускнеет. Но то первая картинка, а тут — живая натура. Стой и любуйся.

Да, побуждать за детьми — большое удовольствие. И послушать их милды летит тоже не менее приятное занятие. Но как его подслушать? Наверняка сплутнешь своим присутствием. Есть только одно средство — стать невидимкой. А что? Стоит попробовать, может, и получится. Зато услышишь несомненно любопытные откровения.

— Давайте играть в Юлию Павловну, — задвину Джинсики, — забравшая некое карьературное пособие бейка, сиротка Маминны Туфли.

— Она такая... Она все может. Мама говорит, что она даже птичку выкормит достанет.

Будущий Мужчина чуть-чуть продвинулся вперед,

ароде бы и не перестукая, а так — сам собой. Клетчатая Кофточка меж тем уловила на иррегулярно тапочечку головной одуванчиков, сверху воткнула пучок травинки и откинулась назад, дакнувшись произведением своих рук. Холщобыенная, деловитая, она как будто и не выжила в болотце, подождала.

— А зачем доставать птичку выкормит? — полуболюпытствовали Маминны Туфли.

— Ну, здарсьте! — Джинсики омерзительно подражали своей тапочечкой интонации. — Как ты не понимаешь? Это только так говорит «достать птичку выкормит», а это значит, все-все достать, все-все на свете, все, что закончилось.

— И самолеты? — не утерпел Будущий Мужчина.

Джинсики нахмурили свои чепуховатые брови, раздувая, как ствол, и облагодетельствовать своим мимолетным вниманием столь мимолетную личность, но тщетные подсказало ответ:

— И самолеты! И даже эти самолеты на личушках. Оу-аи!

Однако это только кажется, что Клетчатая Кофточка не интересуется, кроме своих «салатов».

— А как играть в Юлию Павловну?

— Я буду Юлия Павловна, — категорично заявила Джинсики. — Я приложу вам и говорю: «Здарсьте! Опять вы, милочка, не в форме! Ну кто носит сейчас такие плащи? Это не колхозное».

— И ничего не колхозное, — обиделась Клетчатая Кофточка. — У меня хорошее платье.

Маминны Туфли меж тем подобрали разбросанные в различные стороны мажориты туфли (да проснется мне этот неумолимый каламбу), ачутили в них свои тошенькие ножки и задвинули с гордостью:

— Подумаешь, плащ! А мне мама милды принесла с работы мешок конфет. Самые шоколадные! Вот!

Мешок? — усомнилась Джинсики.

— Ага!

Клетчатая Кофточка вздохнула над своими удачными одуванчиками.

— Что-то конфетки хочется. Дашь, когда приконец?

— Не-а. Не дам.

Маминны Туфли даже не обиделись. Просто констатировали жизненный факт:

— Никакая не жадина. Она же. Мне принесет, а не тебе.

Джинсики не поираважность, что в четкие вычисления оказалась ее подруга, она скромно презрительную молу:

— Юлия Павловна говорит, что детям много конфет есть вредно.

Поскольку в этой компании каждый самоустра-

жался в меру своих сил, Будущий Мужчина рискнул переахать индигитацию:

— А у меня шокик есть, — Фил!

— Подумаешь! — Нашел чем хвалиться.

— Ясно, девчонки! Что о них вали? Что они в ножки топчутся!

— Вот у меня что-то есть... — загадочно улыбнулся Джинсики.

— Что? — подождали Маминны Туфли.

— Серьезки. Из золота. С такими маленькими красивыми камешком. Мне скоро уши проползут. Эль-ля!

— Ну, и вступай! — Клетчатая Кофточка. — Это же очень больно. Я не хочу, чтобы мне колоти.

— И ничего не больно. Зуб лечить больнее. Зато золото настоящее. Юлия Павловна говорит: оно всегда.

— А что такое «в цене»?

— Гордо выдержала очаровательный юск Джинсики.

— Да, разумеется, это серьезный повод для особой гордости, если ты обладаешь предметом, который можно продать. Тут даже Маминны Туфли совсем синюхот от восторга и шокик.

Только Будущему Мужчине небыет:

— А у меня часы есть! Часы! И очень интересные, хотя им и далеко до золота.

— Покажи!

— Они дома.

— А-а! — всеобщее разочарование. Все время.

— Не вру. Папа купил себе новые... такие, без стрелок. Там время элетричеством пишется. А старые — они еще совсем новые — он спрятал и сказал: вот пойдешь в школу...

— Ой, не могу! — Часы хотят очаровательницы. — Ты? В школу? Мажориты!

Джинсики савсона оглядели мальчишку, Фыркнули презрительно:

— В школу... Я и ты чепуховатые. А ты совсем маленький.

— И ничего не маленький. В конце через год это лето пройдет, и еще это лето — пытаюсь защитить свое достоинство Будущий Мужчина. Но его уже никто не слушает.

— А мне мама сарожки купила. Сказала: и зиме. Колхозненькие. Вот так, маленькое, а вот тут синенькое... — тоже решила похвастаться Клетчатая Кофточка.

— Заграничные? — назвали необходимым уточнить столь важную деталь Джинсики.

— Заграничные!

— Врешь. Заграничные просто так не купишь. Их вывозят потому что. Так Юлия Павловна говорит, Заграничные доставать надо.

— Нет, купишь! — Кофточка тоже хочется иметь что-нибудь заграничное. —

Мама вот купила. Получила аванс и купила. Да! В «Детском мире»!

— В «Детском мире»? Вот и врешь, тут все колхозное!

— Колхозное, да! — угодило подождалу Маминны Туфли.

— Сами вы колхозники! Воображал! Я с вами не играю!

— Подумаешь! — Вот уйду и поеду шаберу! И одену!

— Ну и уходи!

— Не нуждаемся!

— А у меня что есть! — опять выжила Будущий Мужчина.

— Ну что еще? — досадило поморщился Джинсики: вот, мол, прастала, надоело!

— Не скажу!

— Ну и не надо!

— А я не скажу.

— Ну и не надо.

— Не скажу... — надул губы мальчишка, однако не выдержал. — А у меня братчик есть. Маленький. Вот.

— Братик? — это нечто новое даже для умудренного жизненным опытом Джинсики. — Милый? Всадельничий?

— Ага! — радуется Будущий Мужчина; наконец-то, добря выжила и своей скромной персоне.

— А что он делает?

— Много чего! Ручками пишет, глазами смотрит. И плавать умеет. Только и не люблю, когда он плачет.

— Не знаю. Ему больше будет.

— Ну да-а!

— Слушай, — осенило Маминны Туфли. — Дай на немножко, а я тебе шокик принесу.

— А я тебе машинку свою недельку дам покатайся, — подключился Джинсики.

— Принести?

— И не знаю, — колеблется Будущий Мужчина.

— Если на немножко... Только я вы идите несите и конфеты, и машинку. А ты не дам! Понятно?

— Маленький не играю! — резонно заметила Клетчатая Кофточка. — Их ушибить можно. И мама же даст.

— А он потихонечку, чтобы не было, — дружелюбно доложили довольные Маминны Туфли.

— Только не надо ему делать больно. Ладно? — небрежно махнула рукой Джинсики.

— Бегу, несис!

Будущий Мужчина со всех ног помчался к соседней подъезду.

— Бог ты мой! В булочную охоталась... А теперь, еще стои карьературное пособие свое! — вынесет этот дурачок своего братику в обмен на конфеты или что-нибудь ему пошлет...

Допустим, сегодня не вылезет из заутра?

— Как же нам быть, люди добрые?

— Как нам быть?..